

ГЛАВА 3

80-е — 90-е ГОДЫ В СУДЬБЕ ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА

В конце 70-х гг. XIX в. Россия переживает тяжелые времена. В стране резко обостряется политическая обстановка. Растет революционное движение. Самодержавная власть переживает кризис. Усиление политической реакции активизирует борьбу «Народной воли». Основным орудием их борьбы становится террор.

В ряду совершенных террористических актов — убийство С. М. Степняком-Кравчинским шефа жандармов Н. В. Мезенцева. Общество взбудоражено. Известие об этом застает Воронцова-Дашкова в Ново-Томникове. «Жаль Мезенцева, — пишет он Александру Александровичу, — павшего жертвой слабости правительственныех органов и вместе с тем необузданности административного порядка <...>. Что ужасно, это безнаказанность убийства, совершенного днем на одной из главных улиц Петербурга, безнаказанность, показывающая слабость и беспорядок в правительственныех отправлениях». Убийство Мезенцева — повод, чтобы высказать свои соображения по поводу положения в стране, что дает нам возможность как-то судить о политических воззрениях Воронцова-Дашкова. То, с чем пришлось ему столкнуться в Ново-Том никово, не оставляло сомнений по поводу реального состояния русской деревни. «Эта слабость, этот беспорядок виден и здесь, внутри России. Необузданность волости, своееволие судей, взяточничество — равнодушие земства, вот где настоящий корень революции, а не в нескольких тысячах недоучившихся, у которых нет почвы под собой». Как видим, он пока еще недооценивает революционную силу народников. Впрочем, он сам же и объясняет причину этого: «Но, когда поживешь в провинции, в деревне, эта революционная организация кажется смешной и едва ли кто верит в ее силу».

Однако понимание Воронцовым-Дашковым коренных причин внутриполитического кризиса в России вскоре меняется.

В 1881 г. в Лейпциге, с высочайшего разрешения, в издательстве Ф. А. Брокгауза выходят «Письма о современном состоянии России. 11-го апреля 1879 — 6-го апреля 1880». Хорошо известно, что их автор — Р. А. Фадеев, хотя в этом первом издании «Писем» автор не указан. Более того, в предисловии написано следующее: «Печатаемые ныне двенадцать писем о современном состоянии России были представлены <...> в смутный год с апреля 1879 по апрель 1880. Они писаны двумя однomyслиющими лицами вместе, хотя подписывались лишь одним из них <...>. Вероятно, письма эти остались бы еще долго под спудом, если б недавние сокрушающие события не вынутили нас считать делом совести — высказать наше мнение вслух». Таким образом, из предисловия явствовало, что авторов было двое. В статье о И. И. Ворон-

цове-Дашкове, опубликованной в седьмом томе «Энциклопедического словаря» того же издателя, сказано: «Перу гр. Илл. Ив. принадлежит X глава в „Письмах о современном состоянии России“¹.

Оценивая значение «Писем» Фадеева и Воронцова-Дашкова, необходимо представить себе их место в том потоке записок, проектов «спасения России», которые были вызваны разразившимся кризисом. Сильный импульс им был дан, конечно же, взрывом в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. И либеральные бюрократы, и консерваторы выступили с проектами реформ, сходившимися в одном: необходимости определенных уступок. За небольшим исключением, эти проекты ставили вопрос об известном приоритете реформ перед полицейскими мерами для «умиротворения страны».

Фадеев, человек вполне консервативных убеждений, в «Письмах» выступал за незыблемость помещичьего землевладения. Но изложенные им требования ряда уступок, в частности, отмены подушной подати, решения проблем общины, организации крестьянских переписей, реформы волостной системы управления и др. имели скорее буржуазную направленность².

Воронцов-Дашков — во многом единомышленник Фадеева. Сформулированные им в десятом письме рекомендации касаются, главным образом, деревни, положения крестьянства, хотя он, походя, дает оценку неоднозначному в социальном отношении дворянству, которое пока еще не занимает его особого внимания.

В первых же строках письма им была сформулирована главная мысль о специфике развития земледельческих стран, подобных России: «Государство, в котором земледелие в упадке, идет к окончательному разорению и гибели. В особенности этот принцип приложим к тем государствам, которые ввиду вообще низкой культуры, являются почти исключительно производителями сырья, а к такой категории именно и принадлежит Россия». Крестьянское хозяйство, за очень редким исключением, везде в упадке, «разоренные же миллионы крестьян, это пролетариат, с которым государству придется считаться».

Воронцов-Дашков предлагает совокупность мер, среди которых необходимо выделить следующие. Пересмотреть выкупную операцию, при этом приняв во внимание не фиктивную, а действительную стоимость земли и количество накопившихся у крестьян недоимок. Оставшихся еще в большой массе временнообязанных крестьян перевести на выкуп. Воронцов высказываеться против переделов, в связи с чем считает необходимым обязать сельские общества утвердить передел, если не на все выкупное время, то, во всяком случае, не менее, как лет на двенадцать. Грязящий же в будущем недостаток надела для разросшейся семьи поправим и без передела такими мерами, как переселение и покупка земель. В этой связи он специальным пунктом своей программы выделяет переселения «на незаселенные пространства наших общинных юго-восточных окраин», для этой же цели рекомендует отводить и находящиеся в ведении министерства государственных имуществ земельные участки во внутренних губерниях. Правительство, по примеру выкупной операции 1861 г., должно прийти на помощь крестьянству, выдавая ссуды для покупки земли.

Побывав на одном из уездных земских собраний в Шацке, он пишет Александру Александровичу: «Должен сказать, что я вышел с собрания с хорошим впечатлением. Молодежь положительно хороша, держит себя хорошо, говорит дело. — Но зато, что за типы между стариками, между отставными поручиками Проторголовыми, как зовет

их Щедрин, это просто прелесть. Есть у них и свой Гамбетта, такую же носит бороду, также причесывается и становится, когда говорит, в ту же позу, считает себя предводителем либеральной партии и доказывает это, пьяствуя ежедневно с мужиками». Тут же замечает, что всех волнует вопрос о мелком крестьянском кредите для покупки земли: «Дай бог, — пишет Воронцов, — чтобы это наладилось, — вопрос первостепенной важности³. Естественно, что ему, высказавшемуся за выдачу крестьянам ссуды, была близка идея организации мелкого кредита для крестьян.

1 марта 1881 г. произошло убийство Александра II, возвестившее о наступлении новой исторической эпохи, за которой закрепилось название эпохи контрреформ. Общество пережило всеобщее потрясение. Как впоследствии вспоминал Витте, «чувство преобладало над разумом»⁴. Через два дня после покушения Воронцов-Дашков пишет встревоженное письмо цесаревичу, умаляя его не рисковать и переехать в Зимний дворец, чтобы не подвергать себя опасности во время ежедневных переездов из Аничкова дворца в Зимний. «Преступники идут напролом, — писал Воронцов-Дашков, — но именно эти последние судороги страшны⁵. Революционная организация уже не представляется ему, как прежде, смешной.

Государь временно переезжает в Гатчину. Принимаются экстренные меры по охране царя.

Под председательством градоначальника Петербурга Н. М. Баранова было создано особое совещание — «Совет 25-ти», получившее в обществе название «парламента при полиции» и хуже того — «бараньего парламента». Первым по числу полученных голосов в «Совет 25-ти» попал генерал Ф. Ф. Трепов, вторым — Воронцов-Дашков⁶.

Под председательством Воронцова образуется комиссия для устройства особой почетной телохранительной стражи для государя. Историк революционного движения в России В. Я. Богучарский писал: «Таким образом, maître du palais в Гатчине, гр. Воронцов-Дашков стал главою организации, принявшей название «Добровольная охрана»⁷.

История «Священной дружины» достаточно хорошо известна⁸, но не до конца ясна.

«Священная дружина» — это попытка правительственные кругов, высших эшелонов бюрократии выработать новые средства для борьбы с революционным движением, организации которого нужно было противопоставить тайное общество, также основанное на конспиративных началах. У истоков создания подобной организации и стал гр. Воронцов-Дашков. Как впоследствии вспоминал Витте, Воронцов дал ход его письму, написанному в первом порыве по получении известия об убийстве Александра II, в котором были изложены методы борьбы с «анархистами», а Витте был сторонником самых крайних мер — «также предательски и также изменнически» убивать их. Письмо было адресовано Р. А. Фадееву⁹, сыгравшему для «Священной дружины» «роль повивальной бабки»¹⁰. Тот, в свою очередь, не замедлил переправить письмо Воронцову, который вызвал Витте и предложил ему принять участие в создании организации по борьбе с революционным движением¹¹. Так соединились личные усилия Воронцова и общественное стремление к охране особы государя со стороны его верноподданных.

Воронцов-Дашков становится фактически главой «Священной дружины» (и примыкавшей к ней «Добровольной охраны»), что логически вытекало из тех функций, которые он осуществлял на посту начальника охраны государя. Его конспиративные

номера среди «братьев» дружины — 6 и 106 (двойные номера имели наиболее законспирированные дружинники), а псевдоним — «Набольший». Контингент агентов вербовался из гвардейских офицеров, золотой молодежи, отличившихся приказчиков и пр. Приглашения рассыпались в большом количестве за подписью самого Воронцова-Дашкова¹².

В ряду мер «Священной дружины» — переговоры с Исполнительным комитетом партии «Народная воля». Воронцов — в центре этих переговоров. Цель их — заключить перемирие с «Народной волей», предложив ей воздержаться до коронации Александра III от террористических актов. Прошло больше года с момента его воцарения, а правительство все опасалось провести коронацию. Со своей стороны, оно обязалось дать при коронации политическую амнистию и «свободу социалистической пропаганды». Ход этих переговоров обстоятельно излагает в своем сочинении В. Я. Богучарский, о них подробно говорится и в воспоминаниях Веры Фигнер, которая отрицательно отнеслась к предложениям Воронцова, усмотрев в них явную провокацию.

Нужно сказать, что на провокационной направленности этой аристократической организации настаивали представители российской политической эмиграции в Женеве. Было доказано, что выходившие либеральные эмигрантские издания субсидировались «Священной дружиной», в частности, гр. П. П. Шуваловым. Литература подобного рода преследовала две цели. «Священная дружина» публиковала сообщения о проектах государственных преобразований, выдвигавшихся ее идеологами: Шуваловым, Воронцовым-Дашковым, Фадеевым. Это позволяло «проверить реакцию на них в Петербурге самого императора или лиц из его ближайшего окружения и вместе с тем избежать ответственности за публикуемое»¹³. В их числе — программа земских преобразований и развития земского самоуправления, созыв Земского собора. В ряде позиций она совпадала с социально-политической платформой представителей российской политической эмиграции. В этот сложный «проводакционный клубок», в котором, подчас, было трудно отличить мистификацию от истины, входила также задача расколоть политическую эмиграцию в Женеве¹⁴.

При всей однона правленности «Священной дружины», ее задач и программы, она не была явлением однозначным. В ней были разные течения и, как считал Богучарский, «было бы несправедливо возлагать на них всех <...> ответственность за все деяния „Охраны“ и „Дружины“»¹⁵.

В дружине состояли также люди либеральных взглядов, желавшие для России «свободных учреждений» и думавшие бороться с «крамолой» путем введения конституционных реформ. К «искренним конституционалистам», которые предполагали обезоружить Исполнительный комитет посредством переговоров, Богучарский относил и Воронцова-Дашкова. Здесь сыграло роль и известное противопоставление дружины, как организации совершенно обособленной, министерству внутренних дел. Соперничество и интриги Д. А. Толстого и привели, по мнению Богучарского, к распуску «Священной дружины». По словам К. П. Победоносцева, Д. А. Толстой действительно желал уничтожить «Священную друjinу», но не решался действовать против Воронцова. Пошел он на это лишь после письма Победоносцева Александру III, в котором обер-прокурор Синода, страшившийся всякого рода конспиративных организаций, обращал внимание государя на опасность, таившуюся в существовании самой дружины. Государь переправил письмо Толстому, и тот распустил «Священную дружины»¹⁶.

Что же касается переговоров с «Народной волей», то они были прерваны, о чем объявил на очередной встрече сам Воронцов. В. Н. Фигнер писала по этому поводу в своих воспоминаниях: «Истинная причина перерыва переговоров для непосредственных участников дела осталась в то время тайной и, как мне кажется, может считаться еще и теперь спорной»¹⁷.

В. Н. Фигнер, пытавшаяся разобраться в причинах прекращения переговоров с «Народной волей», а также роспуска самой «Священной дружины» в конце 1882 г., дала им свое толкование.

Истинной причиной прекращения переговоров, по ее мнению, был не роспуск дружины, а измена народовольца Дегаева, в качестве сотрудника политического сыска успешно выдававшего полиции своих собратьев по революционной организации. За спинами гр. Воронцова-Дашкова и гр. Шувалова шла игра министра внутренних дел Д. Толстого, заполучившего провокатора Дегаева, что отнимало у них всякую почву и «изменило положение дел в Петербурге настолько, что всякие планы на успех их конституционных планов утрачивались». Однако и в соображениях Фигнер подтверждалась противодействующая роль министерства внутренних дел,нейтрализовавшего попытки «Священной дружины» все решить путем переговоров. Но даже в оценке Фигнер содержит известное признание за Воронцовым-Дашковым и Шуваловым конституционалистско-либеральных стремлений, что еще раз указывает на неоднозначный состав «Священной дружины».

Интересен взгляд на происшедшее П. А. Валуева, с конца 70-х годов активно занимавшегося борьбой с революционным движением: в 1878 г. в качестве председателя Особого совещания «для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности», а в 1879–1881 гг. — на посту председателя Комитета министров. П. А. Валуев всю ответственность за перерождение «Священной дружины», идею которой он первоначально считал единственно правильной в сложившейся ситуации, возложил на ее «неумелых, легкомысленных и тщеславных вожаков, гр. Воронцова, гр. „Вову“ Шувалова и пр., Св.[ященная] дружина обратилась в соперника государственной полиции и приняла тип III-го отделения по части разных доносов и сплетен»¹⁸.

Заканчивая свои воспоминания о переговорах Воронцова-Дашкова с «Народной волей», В. Н. Фигнер оценивает их значение весьма иронично, критически характеризуя роль Воронцова-Дашкова: по ее мнению, переговоры более смахивали на мистификацию¹⁹.

* * *

Коронация Александра III состоялась 15 мая 1883 г. Растряянность властей после убийства Александра II постепенно сменялась необходимостью выработки и принятия определенного политического курса.

Хорошо известна судьба либерального курса, равно как и его главного выразителя министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова.

Усиление консервативных настроений происходило в условиях усложнившегося с начала русско-турецкой войны социально-политического состояния страны, тяжелого неурожая, поразившего внутренние губернии, развития революционного движения в его самых экстремальных проявлениях. Общество, его различные слои все более тяготели к порядку, нормальной жизни без потрясений, а это закономерно упиралось

в потребность в твердой власти. И царское слово, импонировавшее многим и многим, было сказано им в «Манифесте», провозгласившем незыблемость самодержавия, победу консервативного политического курса.

Воронцов-Дашков принадлежал к ближайшему окружению нового императора, которое сформировалось еще в 70-е годы. Целью, их объединявшей, были опасения за историческую судьбу России. Однако их взгляды на вектор ее развития разнились. Надо полагать, что Воронцов-Дашков и В. П. Мещерский составляли крайние полюса этого окружения.

Не занимая пока никакого государственного поста, Воронцов-Дашков был лишен возможности принимать официальное участие в первом после убийстве Александра II обсуждении лорис-меликовской конституции. Думается, окажись он на заседании 8 марта 1881 г., решавшем судьбу лорис-меликовского, сиречь, прежнего либерального курса, его голос был бы на стороне консервативного меньшинства во главе с К. П. Победоносцевым. В этом убеждают письма Воронцова к Александру III, в которых прямо говорится о неприятии реформ 60-х годов. Двадцатилетний пореформенный период назван им «экспериментальным», принесшим России много вреда — ее аграрному устройству, судебной системе, наконец, падению престижа самодержавной власти.

В какой мере состав правительства Александра III отражал четко определившуюся дифференциацию высших правительственные сфер на две противодействовавшие друг другу силы? Из правительства были удалены лица, персонифицировавшие собой прежнее либеральное направление. На политической авансцене появились новые, и среди них — гр. Н. П. Игнатьев (также один из создателей «Священной дружины») и гр. И. И. Воронцов-Дашков.

Но если назначение первого на пост министра внутренних дел и государственных имуществ можно расценивать как соответствие взглядов нового министра и молодого царя, то выдвижение Воронцова-Дашкова на пост министра императорского двора и уделов следует считать более проявлением личных взаимоотношений.

Как известно, должность министра внутренних дел принадлежала к одной из ключевых во власти, чего нельзя было сказать о должности министра императорского двора. Но Воронцов-Дашков будет стремиться сделать ее таковой. Не случайно министры внутренних дел были в ответе за все неудачи правительственной политики, удостаиваясь крайне жестокой критики и сатиры. Невозможно удержаться от искушения и не процитировать один из памфлетов начала XX в.

Про министров внутренних дел былого времени

Друг, не верь пустой надежде,
Говорю тебе — не верь!
Горемыкали мы прежде,
Горемыкаем теперь!
Граф Валуев горемыкал,
Мыкал горе Маков цвет,
Но не долго он промыкал
И увял во цвете лет.
Всей Россией управляя,
Горемыкать Лорис стал;
На чужбине увядая,
Горемыка умер там!

Граф Игнатьев из-за моря
На Лориса место сел,
Повернулся, мыкнул горе
И надолго улетел.
И Игнатьеву на смену
Горемыкать стал Толстой,
Из усердья лез на стену
И намыкал ой! ой! ой!
Но Толстой сошел в могилу,
Дурново его сменил.
Дурно, во! как дурно было!
И сменили Дурново...
Друг, не верь пустой надежде, и проч.

(Русский Архив. 1912. № 12. С. 496).

Мысль о назначении Воронцова-Дашкова на пост министра императорского двора была подана Александре III В. В. Зиновьевым. Сделавшись императором, Александр Александрович предложил этот пост гофмаршалу своего двора. Однако тот, не видя за собой качеств, необходимых для данной должности, посоветовал назначить министром Воронцова-Дашкова. Зиновьев, в прошлом управляющий хозяйством Барятинского, издавна знал адъютанта и командира конвоя кавказского наместника, и потому порекомендовал его императору²⁰.

Сравнивая Воронцова с его предшественником на посту министра императорского двора Адлербергом, Витте считал, что он был во всех отношениях гораздо ниже и слабее. Но, тем не менее, он представлял собой русского барина с известными принципами и по нынешнему безлюдью он являлся «человеком выдающимся по своему государственному и политическому поведению. Граф Воронцов-Дашков был и остался <...> человеком довольно либерального направления; до некоторой степени он подбирал себе и таких сотрудников».

Переписка Александра III и Воронцова-Дашкова подтверждает ту мысль, что в основе назначения Воронцова лежали, прежде всего, личные отношения, предполагавшие единомыслие по тем или иным проблемам. Александр III посыпал ему на заключение различного рода записки по вопросам, не входившим в компетенцию министра двора, а Воронцов мог напрямую высказать свое мнение, достаточно авторитетное в глазах императора.

1881 г. можно считать началом второго этапа деятельности Воронцова-Дашкова, продолжавшейся до 1897 г., т. е. до ухода его с поста министра.

С назначением Воронцова-Дашкова на этот пост связана реформация деятельности министерства двора и уделов, которая до его прихода в целом зиждалась на принципах дареформенных представлений о характере этого ведомства. Это первая представившаяся ему возможность действовать самостоятельно в качестве государственного деятеля и реализовать свои взгляды. Министерство императорского двора, в силу своей специфики, являлось учреждением замкнутым и потому занимавшим особое положение в ряду прочих ведомств исполнительной власти. Хотя с началом царствования Александра II и эпохи реформ были уже сделаны некоторые шаги в направлении модернизации министерства, преобразования нового министра начались с центрального органа министерства — канцелярии.

Едва вступив в должность министра, Воронцов-Дашков составляет «Всеподданнейшую записку», в которой он излагал свои основные принципы по реорганизации

ведомства с целью экономии его средств, сокращения штатов и расходов на управление. Меняется структура министерства в сторону ее упрощения, с одной стороны, и усиления контроля за деятельностью хозяйственных органов министерства, с другой. Был изменен кадровый состав министерства, в том числе за счет расширения социальной базы сотрудников — привлечения молодых офицеров из неродовитых семей, а также улучшения их материального довольствия. Умение собирать вокруг себя единомышленников, людей опытных и инициативных, способствовало успеху начинаний Воронцова. Он приглашает в министерство В. С. Кривенко. Воронцов-Дашков еще в начале 70-х годов обратил внимание на способного молодого журналиста и сделал его своим секретарем (1876 г.). Кривенко, по существу, стал правой рукой министра, но не только в делах министерских. Воронцов-Дашков привлекал его при составлении тех или иных правительственный записок.

В 1885 г. была учреждена канцелярия министра, в ведение которой перешло исполнение служебных поручений министра, требовавших скорейшего разрешения, личная переписка, сбор различной информации и аналитических справок. Таким образом, канцелярия министра стала своего рода его личным секретариатом²¹. Во главе канцелярии был поставлен В. С. Кривенко. Впоследствии он обстоятельно описывает деятельность министерства в бытность там Воронцова-Дашкова: «Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего императора Александра III (1881–1894)». (СПб., 1901). Кривенко пришел в министерство вместе с Воронцовым-Дашковым и уйдет вместе с ним.

Самым радикальным преобразованием Воронцова в Министерстве станет реформа 1888 г. Смысл ее заключался в централизации административно-хозяйственного управления «императорским ведомством». Упразднялась канцелярия министерства. Органом, координирующим все полномочия Министерства, отныне становился Кабинет его императорского величества, исторически, традиционно занимавшийся собственностью царствовавшего императора. В его ведение теперь переходили дела и административно-хозяйственного, и финансового значения, находившиеся в компетенции ликвидированной канцелярии министерства²². Кабинет, обретший новый статус и получивший название Главного управления, занял соответствующее место в государственной системе управления.

Однако созданные в Кабинете административные структуры поначалу не справились с возложенными на них задачами. Имело значение и недостаточно четкое распределение функций между Кабинетом и Министерством императорского двора. Действия тех и других нередко не корреспондировали, а подчас и дублировались. Все это не способствовало эффективному решению дел. Говорили о неразберихе, царившей в министерстве, об этом есть записи в дневниках Половцова и Ламздорфа. Очевидно, было ошибкой решать рассматривавшийся вопрос о ликвидации Кабинета в пользу его сохранения за счет упразднения канцелярии министерства. Автор реформы 1888 г. и сам понимал громоздкость созданной бюрократической конструкции. Забегая вперед, следует отметить, что Воронцов-Дашков за неделю до своей отставки подал докладную записку о выведении из компетенции Кабинета общих административно-хозяйственных дел, касавшихся в целом Министерства императорского двора²³. Таким образом, реформа 1888 г. потерпела неудачу.

Одним из принципиальных преобразований было превращение удельных капиталов в земельную собственность. Лишь в 17 губерниях, преимущественно средней

полосы России, за первое десятилетие деятельности Воронцова было приобретено 262 286 дес. земли на сумму 15 407 021 руб. Новые приобретения не столько увеличивали земельный фонд ведомства, сколько способствовали возникновению новых отраслей удельного хозяйства. Так, с покупкой Тимашевского имения Самарской губ., в котором существовал сахарный завод, началось производство сахара и торговля им. Приобретение владений на Кавказе (в Кахетии — имение кн. Чавчавадзе) и в Крыму приводит к развитию виноделия. В результате покупки у наследников кн. М. С. Воронцова имения Массандра и Айданиль на южном берегу Крыма департамент уделов стал владельцем самых больших в России виноградников и одним из самых крупных продавцов русских вин и др.²⁴

Изменения произошли и в составе удельных имуществ. Так, к ним из казны, посредством обмена, поступила Беловежская пуша. На землях присоединенного к России Мервского оазиса образовано Мургабское имение. Министерство двора принялось за реализацию задуманного еще императором Александром II проекта культивации хлопка и других ценных сельскохозяйственных культур в Закаспийской области.

При Воронцове значительно продвинулся процесс сгруппирования удельных владений путем покупки или обмена крестьянских земель (правила 1887 г., упрощавшие совершение крепостных актов на мелкие земельные участки)²⁵.

Уже в своей «Всеподданнейшей записке» он высказывался за протекционизм в отношении крестьянских обществ, арендующих удельные земли, против «обременения усиленными арендными платами крестьянских обществ, которым при найме земель, по моему распоряжению, будет отдаваться предпочтение перед другими конкурентами». Помета на полях — «Согласовано», означала, видимо, что его предложение было поддержано²⁶.

Создание фермерских хозяйств посредством сдачи в аренду земельных участков на удельных землях юго-западного района следует рассматривать как первую попытку реализации взглядов Воронцова-Дашкова на крестьянскую земельную собственность. Можно было бы перечислить и меры по наиболее рациональной эксплуатации удельных лесов, изменение способов хранения капиталов (переведены в Государственный банк) и др.

Оценивая в целом преобразования в ведомстве императорского двора и уделов, исключая реформу 1888 г., проведенные в бытность Воронцова-Дашкова, необходимо квалифицировать их как буржуазные по своему характеру. Это был первый пусть небольшой, но самостоятельный опыт Воронцова-Дашкова как государственного деятеля, выявивший в нем черты реформатора буржуазного типа.

Круг его обязанностей был широк и достаточно пестр: рассмотрение устава Академии художеств и покупка коллекций, организация царской охоты и контроль за соблюдением церемониала. Адрес-календарь объявлял о приемных днях министра императорского двора: по средам от 11 до 1 часа дня, в Зимнем дворце (ход с министерского подъезда).

* * *

Принимая пост министра императорского двора и уделов, Воронцов-Дашков получил и одну из достаточно хлопотных проблем, хотя и не общегосударственного значения. Это — права членов императорской фамилии и их материальное содержание. В связи с неуклонным ростом дома Романовых необходимо было внести изменения в принятый еще при Павле I в 1797 г. закон о престолонаследии и внутридинастической иерархии — «Учреждение об императорской фамилии». Александр III прекрасно представлял себе те трудности, с которыми предстояло столкнуться при разработке новых правил: противодействие со стороны многочисленной фамилии, члены которой страдали соответствующими амбициями. Дело не терпело отлагательств — многочисленная императорская фамилия неуклонно разрасталась. Была создана особая комиссия для разработки новых правил об императорском доме под началом великого князя Владимира Александровича. Ее основными действующими лицами стали министр императорского двора И. И. Воронцов-Дашков (рассматриваемый вопрос входил в его компетенцию) и государственный секретарь Государственного Совета А. А. Половцов, собственно, и выступивший инициатором пересмотра прежнего закона. Назначение в комиссию Воронцова-Дашкова, мягко говоря, не поощрявшего расточительность великих князей, вызвало недовольство большинства из них. Воронцов напирал, прежде всего, именно на финансовую сторону вопроса, поскольку со времени принятия закона 1797 г. из уделов было перебрано более 30 млн. рублей сверх тогда установленных. Половцов же придерживался того мнения, что нельзя разделять имущественный вопрос и вопрос о правах и преимуществах членов императорской фамилии. Половцов представил императору записку, определявшую принципы престолонаследия и титулы по старшинству членов императорского дома. Александр III одобрил ее, начертав на записке: «Не надо терять времени»²⁷. Тем не менее, разработка новых правил затянулась на несколько лет. Обсуждение проекта закона старались держать в тайне, подальше от велиокняжеских ушей впредь до выработки окончательного варианта. Записка Половцова неоднократно корректировалась, но он мог всегда рассчитывать на поддержку Воронцова при ее обсуждении на заседаниях комиссии.

Круг вопросов, касавшихся уделенных земель и материального содержания членов императорской фамилии, был представлен в записке Воронцова, которая была принята без значительных изменений²⁸. Наконец, 2 июля 1886 г. закон об учреждении императорской фамилии был утвержден. По новому закону устанавливались правила наследования престола, иерархия императорского дома, в соответствии с которой назначалось материальное содержание и принятый при крещении порядок награждения и пр.

Однако династические проблемы Романовых на этом не заканчивались. Возрастала опасность морганатических браков. В связи с этим стоял и вопрос вероисповедального характера. Это равно занимало умы как министра императорского двора, так и государственного секретаря. «Захожу к Воронцову-Дашкову, — записывает Половцов, — который лежит в подагре недвижим. Толкуем про велиокняжеские морганатические браки. Воронцов справедливо говорит, во-первых, что подобные браки не должны иметь влияния на финансовое положение брачующегося, и, во-вторых, что умножение такого рода браков уменьшает число лиц, имеющих права престолонаследия, и может подвергнуть русский престол опасности достаться по женским линиям каким-нибудь чужеземным принцам»²⁹.

Нужно сказать, что проблемы, связанные с морганатическими браками, возникали спонтанно, применительно к конкретным прецедентам. Впервые вопрос о невозможности морганатических браков был поставлен при Николае I, в связи с женитьбой великого князя Константина Павловича на кн. Лович. Указ 1832 г. формально запрещал морганатические браки лицу императорского дома, могущего иметь право на наследование престола. Но в законе, принятом в 1886 г., эта статья была изменена, что открыло путь к более гибкому ее толкованию. Однако последовавшие за этим морганатические браки великих князей и боязнь императрицы за собственных сыновей вынудили Александра III вернуться (1889 г.) к первоначальной редакции закона 1832 г. Тем не менее, великие князья всячески пытались обойти закон. Особенно шумной оказалась женитьба великого князя Михаила Михайловича, сына председателя Государственного Совета великого князя Михаила Николаевича, на принцессе Нассауской Софье Николаевне, внучке Пушкина. Несмотря на государев запрет, он женился, за что был сурово наказан — лишен мундира русского офицера, и вынужден был навсегда покинуть Россию³⁰.

Следовало поторопиться с изданием нового закона. На стол Александру III ложилась докладная записка Воронцова-Дашкова, в которой он повторил сказанное Половцову по поводу вреда морганатических браков для династии Романовых. При этом он сделал акцент на религиозную сторону вопроса, исходя, прежде всего, из соображений охранительного порядка, видя в браках великих князей на иноверках угрозу для престижа царской семьи. «Компромиссы тут невозможны, — заключал Воронцов, — или закон следует сохранить во всей его строгости, или его следует отменить вовсе. В первом случае мы будем твердо стоять на принципе православия и через православие соединения царской семьи с народом. — Во втором, мы станем на наклонную плоскость, по которой неизвестно куда докатимся»³¹.

В 1893 г. последовал именной указ министру императорского двора, как раз и явивший собой компромиссное решение этого болезненного для императорской фамилии вопроса. Впредь никто из ее членов не мог вступать в брак с лицом, не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому. Однако они могли вступать в брак и с иноверными, но при этом сохранялось прежнее условие для лица, могущего претендовать на наследование престола. В этом случае брак был возможен лишь при переходе претендентки в православие. В дальнейшем жизнь императорской фамилии вносила новые корректизы в российское законодательство.

* * *

Идеологически Воронцов-Дашков был приверженцем охранительных принципов, проповедуемых консерваторами. Взгляды их совпадали по основным позициям. Так же, как и консерваторы, он был убежден в том, что опорной мерой в укреплении будущности России могло быть, прежде всего, усиление самодержавной власти, незыблемость самодержавия.

Воронцову-Дашкову близка позиция консерваторов в их борьбе за более полную централизацию власти, предполагавшей безоговорочное подчинение министров воле государевой, максимальное ограничение роли чиновничьё-бюрократического аппарата. Воронцов-Дашков — за строгий контроль над министрами.

Сохранился документ, который позволяет нам представить себе взгляд Воронцова-

Дашкова на правление Александра III за первый год его царствования. Это — письмо из их личной и весьма доверительной переписки. Написано оно 2 мая 1882 г.³² Инициировано было сложившейся критической, с точки зрения Воронцова, ситуацией в государстве. Прошел год. Общество, с надеждой взиравшее на нового государя, полное готовности содействовать ему в ключе, обозначенном в «Манифесте», стало испытывать разочарование в правительстве, хуже того — самодержавной власти. Новое правительство не только не оправдало надежд, на него возлагаемых, но, напротив, повело Россию по пути пагубному, ввергая ее в хаос. И, как ни казалось странным, положение после 1 марта 1881 г., заключает Воронцов, было «несравненно лучше сегодняшнего». Письмо это можно считать программным, поскольку в нем были высказаны как понимание данной ситуации, ее анализ, так и сформулированы меры, на взгляд Воронцова, самого неотложного значения.

Острие критики Воронцова-Дашкова было направлено против нового министра внутренних дел Н. П. Игнатьева — фигуры достаточно одиозной среди российских государственных деятелей конца XIX в.

Прежде всего, Воронцов-Дашков ополчился на любимое детище Игнатьева — созыв Земского собора, приуроченного к его 200-летию и коронации Александра III. В глазах славянофилов, под влиянием которых находился новый министр, возврат к этому политическому раритету, созданному на избирательной основе, не только свидетельствовал бы о всенародной поддержке самодержавного правления, но и явил бы цивилизованному миру образец невиданного либерализма. Консерваторы забили тревогу, обращая внимание Александра III на рискованность этой затеи, вызывающей ассоциации с еще сравнительно недавними требованиями «Народной воли» о созыве Учредительного собрания³³.

Воронцов-Дашков не отвергал самою идею совещательного Земского собора, считая созыв его возможным в будущем в качестве органа, соответствовавшего устоям российского самодержавного государства: «Я убежден в том, что, ежели нашему самодержавию суждено уцелеть, то конечным его выражением будет всероссийский совещательный Земской собор, созываемый в особых случаях, для большего единения самодержавного царя с землею». Что же касается замысла министра внутренних дел «созвать тот театральный Собор, о котором ныне мечтает гр. Игнатьев, без твердо определенного, последовательного плана действий, без подготовления почвы, без упрочения правительственной власти на месте — значит свалить те последние шаткие основания, на которых держится русское самодержавие и столкнуть в бездну, из которой уже не подняться»³⁴. В литературе высказывалось мнение о том, что Воронцов, прежде исповедовавший идею Земского собора, в данном случае решил использовать это дело для дискредитации Игнатьева в глазах императора³⁵. Прежде всего, Воронцов вновь подтвердил свою приверженность идеи Земского собора, и предлагаемая им отсрочка созыва собора объяснялась соображениями другого порядка. Здесь следует обратить внимание на высказанную Воронцовым мысль об упрочении правительственной власти на местах, т. е. местного управления, по его мнению — меры первой важности и явившейся опорной при созыве Собора как органа совещательного характера.

Молодой монарх прислушался к голосу консерваторов и не согласился на созыв Земского собора. Произошло это на совещании 27 мая 1882 г., а цитируемые строки из письма Воронцова датированы 2 мая.

* * *

Какова же позиция Воронцова-Дашкова — представителя знатного дворянства, одного из крупнейших русских помещиков, на стремление правительства укрепить экономическое положение дворянства и усилить политически его корпоративную власть?

Если в своей деятельности на посту министра императорского двора и уделов он действовал в духе буржуазного предпринимательства, приводя в движение земельную собственность и капитал удельного ведомства, то его отношение к дворянству всецело отвечало требованиям правительственного протекционизма. В одном ряду с К. Н. Победоносцевым, Р. А. Фадеевым, В. П. Мещерским он отстаивал значение и место дворянства в качестве основного связующего звена между самодержавной властью и народом, что вполне соответствовало общественным настроениям рубежа 70–80-х гг., с его идеализацией дворянства. Более того, Воронцов-Дашков как бы персонифицировал примыкавшее к утверждавшемуся в правительственные сферах дворянскому направлению, которое главную социальную опору видело, прежде всего, в аристократической части дворянства. Среди членов Особого по делам дворянского сословия совещания Воронцов-Дашков явился наиболее ярким выразителем аристократической направленности в дворянской политике, по образному выражению известного общественного деятеля А. А. Киреева: «*pousser la fine fleur de l'aristocratie*» (вырастить изысканный цветочек аристократии). «Но ведь где же ее взять?!.. Ведь на нашей далеко не уедешь... На нищей-то» — восклицает он далее³⁶.

Предлагаемые им меры находились в контексте программы совещания по изысканию способов укрепления положения дворянства во всех аспектах: хозяйственно-экономическом, корпоративном и пр. Таким образом, в вопросе сохранения дворянского землевладения Воронцов стоял на позициях консервативного большинства, соответствовавших по своему духу дореформенным представлениям.

* * *

«Чиновничья проблема» являлась существенной составляющей системы государственного управления, при этом одной из самых архаических. Введение еще в начале XVIII в. Табели о рангах привело к образованию в России чиновничества как особой группы, наделенной рядом прав и преимуществ. Неоднократно делались попытки решения этой проблемы. Однако сторонники сохранения существующего положения, как правило, брали перевес. Всякая мысль об уничтожении чинов рассматривалась как ослабление государственных начал. Сторонники реформы мотивировали ее необходимость злоупотреблением чинов, чинопочитанием, корыстью, обесцениванием наград, главное же — их общественной репутацией: «общество издевается над ними, а народ никогда не признает их и не поймет их значение».

Конкретные шаги в направлении решения вопроса о целесообразности сохранения чинопроизводства были предприняты в ходе подготовки alexandrovskих реформ середины XIX в. Однако выяснилось, что принятие мер в сфере гражданского чинопроизводства не устранило недостатки в работе государственного аппарата. Тем более что правительство Александра II так и не сделало решающего шага — ликвидации чинов.

В эпоху контрреформ вновь вернулись к вопросу о реформе системы чинопроизводства. В 1883 г. создается Особое совещание, в котором наиболее активную позицию занимает А. А. Половцов. «В первое же заседание, — вспоминал Половцов, — я объявил председателю комитета <...>, что чины следует не упорядочить, а упразднить, ограничясь табелью должностей». Однако при обсуждении подготовленного им законопроекта обнаружилась двойственность позиций членов Особого совещания. В данном случае важно, что среди противников отмены чинов, составлявших большинство, не было Воронцова-Дашкова, который поддержал Половцова. В результате Александр III, обещавший Половцову всякое содействие, и сам автор законопроекта вынуждены были отложить осуществление этой меры до более благоприятного времени, так и не наступившего.

В 1892 г. было восстановлено Особое совещание при Собственной его величества канцелярии под председательством министра императорского двора И. И. Воронцова-Дашкова. Изучив историю вопроса, он подает Александру III «Записку», в которой предлагал сократить Табель о рангах, ужесточить чинопроизводство за счет отказа от выслуги лет и т. п. В «Записке» отразилось не раз высказываемое им недовольство укоренившимися бюрократическими порядками. Но, признавая наличие неудобств, связанных с чинами, Воронцов-Дашков высказался против уничтожения чинов.

Половцов следующим образом описал эту историю в своем дневнике (1905 г.): «При назначении Воронцова председателем наградного комитета я передал дело ему, но он прислал мне бумагу, написанную его делопроизводителем Кривенко, в совершенно противоположном смысле тому, что говорил Воронцов прежде. Затем сочинили какой-то комитет, в котором дело и лежит доселе, когда протекло 23 года с того времени, когда я возбудил этот вопрос»³⁷. Созданный в середине 50-х гг. Инспекторский департамент о гражданской службе признан был «неудобным» и в конце концов упразднен.

Еще большее негодование вызвал предложенный Воронцовым-Дашковым указ о порядке представления к наградам. По существовавшим правилам, представление о наградах делалось министрами императору непосредственно. Указ Воронцова о создании специального инспекторского комитета о наградах явился для министров полной неожиданностью. Указ был поднесен Воронзовым для подписи Александру III. По мнению Витте, «Воронцов-Дашков этим путем имел в виду несколько усилить свое влияние на персонал государственных чиновников»³⁸.

Была принята позиция о создании специального Комитета по высочайшим наградам (указ от 1892 г.). Далее, указом 1894 г. Комитет был переименован в Комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах. Вместе с тем создавался инспекторский отдел в составе Канцелярии е. и. в., являвшийся рабочей частью Комитета. Во главе Комитета был поставлен Капитул российских императорских и царских орденов и министр императорского двора гр. И. И. Воронцов-Дашков, концентрировавший таким образом в своих руках основные рычаги как управления чиновничеством, так и их награждения.

Подобная централизация управления не пришла по вкусу большинству министров, поскольку ограничивала их бюрократическую власть. Вместе с тем, эти административные реформы выдвигали Воронцова в качестве фигуры, весьма влиятельной в правительстве Александра III.

* * *

Министр императорского двора принимает активное участие в подготовке реформы народного образования. Правительство радикально меняет направление своей политики. Законопроект 1882 г. ликвидировал либеральные позиции университетской реформы (введение выборного начала при назначении ректора и декана из профессорской среды). Кроме того, введение государственных экзаменов означало контроль не только над студентами, но над и преподавателями. Университет ставился на службу самодержавного государства, а профессора отождествлялись с должностными лицами, по существу, с чиновниками, подведомственными Министерству просвещения. Однако среди консерваторов мнения о новом проекте разделились. Победоносцев и левое крыло консерваторов, в том числе Воронцов-Дашков, возражали против привлечения чиновников к экзаменам. Что же касается ограничения университетской автономии, то, по-видимому, она подразумевалась в качестве одной из основных мер против проникновения нигилизма в студенческую среду. Один из пунктов мер, которые были предоставлены им на усмотрение Александра III, заключался в пожелании правительству специально заняться вопросом народного просвещения, дабы прекратить «этот страшный прилив в нигилизм из учащейся молодежи»³⁹. Несмотря на отсутствие единой точки зрения у охранителей, в 1884 г. был принят устав, резко ограничивавший автономию университетов и приведший к полному их огосударствлению.

Но, вопреки ожиданиям консерваторов, контреформа 1884 г. не предотвратила студенческого движения, да и в прогрессивной среде росли оппозиционные настроения. Не найдя ничего лучшего, консерваторы пошли по пути дальнейших ограничений в сфере народного образования. В частности, сужался социальный состав учащихся за счет запрещения приема в высшие и средние учебные заведения детей кучеров, лакеев, поваров, прачек и др. Это — циркуляр министра просвещения И. Д. Делянова 1887 г., прозванный в обществе циркуляром «О кухаркиных детях». Тогда же вышел утвержденный Комитетом министров циркуляр Министерства народного просвещения, установивший процентные нормы приема евреев в высшие учебные заведения. Все эти дискриминационные меры еще более накалили общественную атмосферу. На действия правительства студенчество ответило в конце 1887 г. массовыми выступлениями в обеих столицах и других университетских городах, следствием чего явилось закрытие в них университетов и некоторых других учебных заведений. По убеждению Воронцова, вина в случившемся должна быть возложена и на начальство, и на устав, и на студентов, и все это, сплетенное в один узел, затрудняло выяснение истины. Главное — необходимо найти средство, чтобы успокоить умы. По мнению Воронцова, созданная по университетскому вопросу комиссия, которая предложила отсрочить открытие С.-Петербургского университета до начала марта 1888 г., приняла неверное решение, и едва ли эту меру можно было бы считать целесообразной. Прежде всего, большинство студентов не провинилось или не заслуживает подобного наказания. Кроме того, должно быть принято во внимание совпадение срока открытия университета с прибытием императора в столицу, вследствие возможных беспорядков. Выявление причины беспорядков, а затем и их искоренение могут быть осуществлены лишь вследствие их добровольного и, главное, беспристрастного расследования: «Хаос и туман, в котором витает университетский вопрос, должен быть рассеян». Он предлагает возложить «срочное рассле-

дование всех происшедших в Москве беспорядков» на трех членов Государственного Совета для доклада государю, при том, что они «ни под каким видом не должны быть назначены из числа министров — и здесь Воронцов-Дашков вновь говорит о недоверии к министрам, дискредитирующими самодержавную власть: «Они между собой в таких случаях всегда солидарны; рука руку моет, а при неудаче с большим единодушием сваливают вину на Вас. Желательно было бы, чтобы назначенные для этого дознания люди были бы по положению и характеру самостоятельны, на сколько это в 19-м столетии возможно». Виновные должны понести наказание самим жесточайшим образом: «Как это бы подняло обаяние самодержавной власти, — заключает Воронцов, — и перестали бы министры и сановники думать, что они неуязвимы за Вашей спиной, а ответственны лишь одни Вы»⁴⁰.

Постоянные студенческие волнения в университетских городах на рубеже XIX–XX вв. свидетельствовали о необходимости скорейшей коренной реформы в направлении демократизации и либерализации университетских правил. Выдвигаемые проекты мало чем отличались от уже принятых. По-прежнему приоритетной задачей правительства оставались превращение профессуры в чиновничество и предотвращение различными мерами студенческих волнений. Университетская реформа, а также проблемы, касавшиеся народного просвещения в целом, обсуждались на заседании Особого совещания, тому посвященном.

Свои соображения Воронцов-Дашков представил в виде специальной «Записки по вопросу среднего образования в России (о желательности отбытия воинской повинности до поступления в высшие учебные заведения, расширении промышленных и профессиональных заведений)»⁴¹.

Следует обратить внимание на его позицию по вопросу об отбывании воинской повинности. Дело в том, что подобная мера высказывалась в качестве карательной применительно к непокорным студентам. Однако военное ведомство и некоторые члены Комитета министров высказывали несогласие с этим, как противоречащим уставу о воинской повинности, превращая службу в рядах армии в наказание. Воронцов-Дашков видит эту проблему в другом ракурсе, в ключе высказанного им опасения о проникновении нигилизма в среду студенческой молодежи. Допустимость подобной меры по отношению не к провинившимся студентам, а к гимназистам 18–19 лет, более подверженным влиянию, нежели студенты 23–25 лет, не должна казаться «драконовской». «В первом случае натура является очень восприимчивой и склонной к обработке».

* * *

Прошло менее четверти века после введения губернских и земских учреждений (1864). Одним из достижений этой реформы являлось введение принципа выборности. В основу избирательной системы были положены имущественные и сословные начала.

Лейтмотивом посыпавшихся с первых лет нового царствования проектов, записок, публикаций стала апология дворянства, судьба которого напрямую связывалась с судьбой самодержавия, и главная угроза таилась в земствах и крестьянском самоуправлении. Последнее большинством консерваторов, в том числе Воронцовым-Дашковым, отождествлялось с беззначанием. В сфере местного управления и устрой-

ства земского предполагалось искоренение выборного начала, введение принципа сословности и подчинение органов самоуправления государственной власти, создание института земских начальников, соединяющих в своем лице административную и судебную власть (проект Д. А. Толстого — А. Д. Пазухина). Подчинение крестьянского самоуправления земским начальникам стало основным камнем преткновения при обсуждении проекта. Несогласие с ним высказал ряд консерваторов, опасавшихся усиления напряженности в деревне, роста недовольства среди крестьян.

Наиболее активную позицию в обсуждении проекта Толстого в Государственном Совете занимает Воронцов-Дашков, выдвинувший свой проект о земских начальниках. Александр III обещает Воронцову лично ознакомиться с его проектом, организационно поддержку берет на себя государственный секретарь А. А. Половцов. Ему это удалось. Важно было не только ограничиться критикой проекта Толстого, но и выдвинуть контрпроект. Таковым явилась «записка» Воронцова-Дашкова, представленная им 23 сентября 1888 г.

Отличительная особенность проекта Воронцова-Дашкова заключалась в системном подходе к реформации местного управления, преобразовании его в целом, а не в отдельных отраслях. Критикуя проект Толстого, Воронцов считал, что введение института земских начальников не устранит многоначалия в уезде, а напротив, усилит его. «*При осуществлении же представленного проекта, — говорилось в «Записке», — еще более увеличится многоначалие учреждением в уезде взамен одного коллективного крестьянского присутствия нескольких самостоятельных, обладающих обширной властью и никому не подчиняющихся, кроме губернатора, земских начальников*»⁴². В противоположность проекту Толстого, Воронцов-Дашков предлагал учредить институт уездных начальников, объединяющих в своих руках все отрасли административно-полицейского управления в уезде. Уездные начальники должны были назначаться из числа дворян-помещиков. По этому проекту уездный начальник, в отличие от земского, концентрировал в своих руках все отрасли административно-полицейского управления в уезде в отношении всех сословий, за исключением власти судебной. Таким образом, институт мирового суда оставался неприкосновенным. Нужно сказать, что проект Воронцова-Дашкова был принят большинством Государственного Совета, включая его самых радикальных членов, положительно⁴³. Однако Александр III присоединился к меньшинству, и в 1889 г. закон о земских начальниках был принят в редакции проекта Толстого. Согласно резолюции императора, институт мировых судей упразднялся. Предоставление земским начальникам судебных функций в действительности означало нарушение принципа отделения судебной власти от административной, что было основным завоеванием судебного устава 1864 г.

Столь же дискуссионным было обсуждение закона о земских учреждениях. Одним из основных положений подготовленной контрреформы являлась отмена выборности исполнительных органов земских учреждений — они назначались административной властью. Практически к нулю сводилась самостоятельность земских собраний. Вообще земские учреждения ставились под наблюдение министра внутренних дел и надзор местного губернатора. Представленный проект не встретил единодушной поддержки, и его отдельные стороны были подвергнуты серьезной критике. Против ущемления самостоятельности земских учреждений, основанных на выборных началах, выступили такие консерваторы, как К. П. Победоносцев, А. А. Половцов, П. А. Валуев, М. Н. Островский. Но среди них не было Воронцова-Дашкова. Выступивший против

закона о земских начальниках, он поддержал проект Толстого. Между тем, ключ к объяснению подобной позиции Воронцова-Дашкова лежит в личном опыте Воронцова-помещика, изнутри наблюдавшего социальную жизнь деревни в Тамбовской губернии: пассивность земства, а главное, процедуру выборов в должность: волостное управление, суд, основанные на пьянстве и лихоимстве. Описанная им в одной из корреспонденций Александру III картина выборов не оставляла надежд на возможность сколько-нибудь справедливых и объективных выборов и, как следствие, избрания достойного земского представительства, либо волостного управления.

«Более всего, требующее изменения, — полагал Воронцов, — это волостноеправление, полуграмотный писарь, ради штофа водки заставляет пьяного и безграмотного старшину делать все, что ему вздумается. Волостноеправление и крестьянское Общество, обыкновенно решают дела по числу поставленных штофов или ведер, сам выбор в должность на водке же основан. Сначала выбирают самых богатых мужиков, — они просят мир уволить их от чести, мир настаивает и начинается торг, кончающийся к общему удовольствию известным количеством излюбленного напитка; пошло пьянство, потом опять выборы богатого, опять торг, опять выкуп и пьянство. — Так оно и идет, пока не переберут всех состоятельных мужиков или не допьются до полусмерти; тут выборы кончаются, или, тем, что проскочит идущий на грабеж, или же ничего не имеющий, не в состоянии откупиться самый последний мужик. Здесь, дай Бог, чтобы рабочих дней набралось бы 5 в неделю, что пахитить^{*}, через которые никогда не переходит. Каждое порядочное село имеет свой базар; в известный день недели, на этот базар стекаются со всех окрестных деревень и вечером по всем дорогам вереницей тянутся повозки, везущие домой мертвые тела посетителей. В базарный день, рабочих в этой местности не достать, или, по крайней мере, с большим затруднением, а так как в нашей окрестности, кроме Ново-Томникова, в расстоянии 20-ти с чем-то верст еще три базара, то Вы можете себе вообразить, какое тут идет пьянство.

Крестьяне, имея большинство голосов, обыкновенно выбирают в судьи таких, которые, судя по убеждению, всегда убеждены, несмотря на свидетелей, что вор не украл, всякое дело приходится доводить до мирового съезда, где суд более правый. — Для некоторых случаев, мужики завели самосуд, — как на американских окраинах, закон „Lynch'a“ и прескокойно убивают поджигателей и конокрадов».

«Случаев таких много, — заключает автор письма, — и, пожалуй, с этим помириться можно, пока они убивают только конокрадов и поджигателей; но кто поручится за то, что самоуправство не пойдет дальше? К несчастию, это самоуправство есть результат безнаказанности воров и мошенников»⁴⁴.

Критика земских учреждений и их деятельности неоднократно звучала в письмах Воронцова Александру III в бытность его цесаревичем еще с конца 70-х годов. Когда Воронцов стал министром, в ряду предлагаемых им неотложных мер значилось решение земского вопроса: развитие земских учреждений, «воплощенных в административный организм»⁴⁵. Идея об инкорпорировании земских учреждений в общегосударственную систему была весьма распространена как среди либералов, так и консерваторов.

---

* Пахать.

Правительство не могло пренебречь общественным мнением и утвержденное в 1890 г. «Положение о земских учреждениях» значительно отличалось от первоначального проекта. Оно признало самостоятельность земств и принцип выборности земских управ. И, хотя процент дворян в земстве вырос, социальные изменения в самом дворянстве свидетельствовали о доминировании тенденций к всесословности.

* * *

Крестьянство, пореформенная деревня со своими нуждами — растущее малоземелье, неэффективность крестьянского труда, бедность — проблема, постоянная и остро дискутируемая в правительстве Александра III, в общественно-политических кругах. Тяжелое положение деревни воспринималось и трактовалось консервативным правительством по-разному. В качестве наиболее популярных причин выдвигались: косность крестьянской среды, пьянство, безнадежие, отсутствие управления в деревне, земельные порядки. Предлагаемые меры поддержки деревни — прирезки казенной земли к наделу, представление мелкого кредита, создание Крестьянского банка — носили в основном платонический характер, за исключением, пожалуй, организаций переселений из аграрно перенаселенных внутренних губерний, и не касались коренных причин крестьянского малоземелья. Однако консерваторы не могли не признать наличия факторов, влиявших на инициативность крестьян, эффективность сельского труда. Являлась же она следствием общинных пережитков — земельных переделов, круговой поруки, системы общинной регламентации. Но рассматривались они большинством консерваторов в отрыве от отжившего института общинной земельной собственности.

Можно с уверенностью утверждать, что в центре этой борьбы мнений стоял министр императорского двора. Его собственные наблюдения во время систематических посещений своих имений, участие в управлении обширным хозяйством, безусловно, сыграли определяющую роль в формировании его взглядов на аграрные отношения в деревне, по его выражению, в «русской глубинке», и их базовую проблему — общину. Это подтверждает его корреспонденция цесаревичу конца 70-х годов. Напомним также об уже цитировавшихся «Письмах», написанных совместно с Р. А. Фадеевым на рубеже 70-х — 80-х годов, где была четко обозначена его позиция по вопросу о регressiveном значении общины и высказана мысль по поводу неотчуждаемости подворного земельного надела. Решение крестьянского вопроса он видел в создании крестьянина-собственника земли, укреплении в его сознании «права собственности»⁴⁶.

Узнав о том, что на петербургском рынке появилась американская мука и что она на российском рынке может конкурировать с русской мукой, он вновь возвращается к мысли о вреде общины: «Вот до чего дошла бывшая житница Европы. Оскудела она бедная; оскудела по вине либеральных теорий людей шестидесятых годов, которые ввели безнадежие в крестьянской среде под названием самоуправления и систематически разорили землю общинным владением, с присущими ему частыми переделами душевых наделов. Можно ли безнаказанно, — спрашивает Воронцов, — в течение $\frac{1}{4}$ столетия вкряив и вкось вспахивать землю, выжимая из нее все соки и ничего ей не возвращая; а это делается на всей надельной русской земле, с редким весьма исключением. Так и будет продолжаться, пока не появится подворный земельный надел на семью, неделимый, и пока не подлежащий отчуждению... Земля увидит, наконец, хозяина, благосостояние которого связано с ее обогащением, а не проходя-

щую душу, которая ее царапает кое-как, зная, что завтра она достанется другому». Кроме того, с введением семейного надела Воронцов связывал возрождение крестьянской семьи, «ныне не существующей»⁴⁷.

Таким образом, Воронцов-Дашков вновь настаивает на необходимости подворного земельного надела, не подлежащего отчуждению. Идея эта имела своих сторонников. Одним из ярких ее выразителей в 80-х гг. был известный представитель консерваторов К. Ф. Головин, занимавший в крестьянском вопросе более, чем они, либеральные позиции, в частности, по проблеме общины. Он также за ее ликвидацию и неотчуждаемость надела.

Единомышленник Воронцова-Дашкова Половцов во время своих аудиенций у Александра III пользовался возможностью говорить с ним о проблемах деревни, положении крестьянского хозяйства. Поводом одной из бесед послужил голод 1891 г. Половцов излагает ему свое мнение по поводу общинного землевладения, в условиях которого ударная сила «климатического несчастья» усугублялась. «В других странах, — говорил государственный секретарь государю, — земледелие совершенствуется ежедневно, изобретаются новые способы культуры. А у нас — мужик ковыряет скверной сохой плохую землю, не возвращая извлекаемого из нее. Что же угрожает в будущем? Обеднение, ухудшение экономического быта. Как помочь этому? Переход от общинного владения к единоличной собственности путем подворного, семейного владения». Однажды он в числе значимых для государства мер по ликвидации архаических институтов назовет государю главные: «Если Вы, государь, в царствование свое уничтожите чины, общинное владение да половину праздников, так оставите после себя совсем другую Россию»⁴⁸.

Единственную возможность эволюции русской деревни Воронцов видел в насаждении крестьянской земельной собственности, появлении крестьянина-собственника, заинтересованного в продуктивности своего хозяйства. Вот что он пишет сыну Роману из Ново-Томникова в дни голода 1891 г.: «Поля здесь хорошие, наши есть особенности, крестьяне не блистают. Голод чувствуется, все уже поели что было, теперь еще кой-кого поддерживает картофель; уродился он не дурно, сравнительно. Я всем мужикам толкую, что даром им хлеба не дадут, а лишь за деньги; а то ничего делать не хотят, — „царь прокормит“. Лентяй народ!» — заключает Воронцов⁴⁹.

Обращаясь к вопросу неотчуждаемости надела, составлявшего основу общинного землепользования, следует обратить специальное внимание на его интерпретацию. В условиях систематических земельных переделов этот неотчуждаемый надел постоянно менял своего пользователя, который не только не успевал привыкнуть к мысли, что он хозяин надела, но была весьма сомнительна уже сама возможность возникновения подобной мысли. Вот на что неоднократно указывали и Воронцов-Дашков, и Половцов. Именно поэтому существовавший принцип неотчуждаемости надела рассматривался ими прежде всего как пагубное последствие такого инструмента общинного землепользования, как переделы. Закрепление же за семьей неотчуждаемого и неделимого земельного надела делало крестьянина хозяином. Только в таком ключе и следует понимать выдвигаемый принцип неотчуждаемости надела, хотя в современных исследованиях эта позиция Воронцова-Дашкова, в частности, приводится как пример, напротив, свидетельствующий о его якобы приверженности к общине⁵⁰.

Как в своих «Записках», так и в черновых заметках он высказывался об общине, вкладывая в этот институт совершенно другое содержание. И если он приравнивал ее

к «административной единице», то под этим подразумевалась община как сообщество землевладельцев, свободных в своем выборе выйти из нее, с правом продажи надела, выделения на отруб при досрочном погашении выкупных платежей и без земельных переделов⁵¹.

Сторонники принципа неотчуждаемости земельного надела не ограничивались лишь кулуарным обсуждением, а достаточно широко высказывали свои взгляды — на страницах печати (К. Ф. Головин); главное же, пытались довести их до сведения императора: Половцов — в личных беседах с ним, Воронцов-Дашков — в ряде своих корреспонденций. Естественно, требовалась дальнейшая разработка механизмов реализации принципа неотчуждаемости земельного надела, проблема выкупа, перехода земли в собственность крестьянина в юридически-правовом отношении. Тем не менее, данная мера могла бы иметь то же значение, что и временное сохранение общинного землевладения в результате реформы 1861 г., помогшее крестьянину как-то самортизировать трудности переходного периода.

Принятый в 1886 г. закон ставил препятствия семейным разделам. Воронцов-Дашков, прослышиав о готовившемся законе, пишет Александру III: «Я знаю, что в Министерстве внутренних дел возбуждается вопрос о семейных разделах. — Оно то, да не то; семейный раздел есть результат земельного и всегда будет, пока земля делится»⁵².

К 1891—1892 гг. во внутренних губерниях России разразился голод, который застал Воронцова-Дашкова во время посещения своих имений в Тамбовской и Саратовской губерниях летом 1891 г. Его поразили не только масштабы бедствия, но и апатия крестьян, брошенных на произвол судьбы и нуждавшихся, по мнению Воронцова, в «нравственной поддержке», которая должна была бы исходить от государя, царской семьи. В этой связи он советует Александру III создать под председательством государыни и цесаревича комитет для призрения голодающих. Это помогло бы крестьянам поддерживать в них «нравственную силу, ибо они увидели бы в этом проявление личной заботы о них Царской семьи».

Министр императорского двора идет дальше и предлагает запретить при высочайшем дворе на время балы и большие обеды, а деньги, на это истрачиваемые, жертвовать «как первую лепту в фонд капитала для продовольствия», так как «это несомненно произвело бы на народ самое отрадное впечатление. Простите меня, Ваше Величество, за это письмо, — продолжает Воронцов, — но верьте, что при сопоставлении голодающего в темной избе мужика, с петербургскими франтами, роскошно ужинающими в освещенных „a giorno“ залах Зимнего дворца, как-то становится совестно и нехорошо на душе»⁵³. Такой комитет, получивший наименование Особого, был создан под председательством цесаревича в составе: К. П. Победоносцева, М. Н. Островского, И. Н. Дурново, И. И. Воронцова-Дашкова, П. С. Строганова. Обязательства, взятые на себя Воронцовым, наиболее ответственные. Он занимается изысканием средств для закупки зерна и его транспортировки. Воронцов лично подбирает влиятельных лиц для снабжения хлебом голодающих районов внутренних губерний, или же рабочих уральских заводов. Ему приходится координировать закупку хлеба частными благотворительными комитетами и попечительствами, решать вопросы финансирования губернаторов для закупки зерна, добиваться разрешения на

* «a giorno» (итал. — день).

беспощадный ввоз в Россию гуманитарной помощи — «даровой муки» из Америки. В его действиях просматривается недоверие к некоторым местным властям, деятельность которых он считал неудовлетворительной, и в этой связи он предлагает послать от Особого комитета в голодающие районы именитых и уважаемых людей. Опасаясь злоупотреблений при транспортировке сена, он просит Министерство внутренних дел выделить свидетелей и т.п.⁵⁴

* * *

Складывавшиеся обстоятельства — голод, поразивший русскую деревню — неизбежно толкали правительство к решению аграрных проблем.

Министр внутренних дел И. Н. Дурново подготавливает проект закона об ограничении крестьянских наделов 12-летним сроком пользования и других мерах по «преобразованию» деревни. Воронцов-Дашков, в числе прочих министров получает его в связи с предстоящим обсуждением на Государственном Совете.

В 1894 г. в Женеве в издательстве М. К. Элпидина публикуется «Записка министра дворца и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении крестьянской общины и возражения на нее ministra внутренних дел И. Н. Дурново». Выдержала она три издания: второе было повторено в том же издательстве в 1900 г.

Оппонируя защитникам общины, Воронцов-Дашков излагает ее историю, при этом дифференцируя ее на дореформенную и пореформенную. «Краеугольными камнями здания государственного строя России», к которому стремились, — писал Воронцов-Дашков, — были общинное землевладение и крестьянское самоуправление — поэтому он так дорог защитникам общины. Положение 1861 г. приняло общину как готовое учреждение. Не видя возможности сразу коренным образом изменить его, правительство воспринимало его как явление временное, в надежде на то, что стремление крестьянина к «самостоятельной собственности» должно взять верх над строем общины. В этой связи и была дана возможность выкупа крестьянином своего надела до того времени, когда правительственные меры могли бы обеспечить независимость собственника от общины, однако эта статья закона была впоследствии отменена. Таким образом, по убеждению Воронцова, «До 1861 г. крестьянин был в крепостной зависимости казны, удела, помещика, а теперь он в крепостной зависимости от общины».

Основные соображения Воронцова-Дашкова консолидировались, прежде всего, вокруг двух коренных проблем общины: круговой поруки и земельных переделов.

Круговая порука, выработанная общиной как средство поступления податей и оказания поддержки слабым сильными — этой задачи не выполнила. Не были предотвращены ни обнищание, ни пролетаризация сельского населения: «Никогда, ни один сильный член общины не заплатил за слабого ни копейки <...>. На деле, круговая порука — это страшное орудие в руках богатого против бедного». И коль скоро круговая порука не выполнила своей фискальной функции, а для народа только вредна, то отпадает и это основание стремиться удержать общину.

Касаясь переделов, Воронцов-Дашков считал, что, будь одни только надельные земли разумно заселены, составив необходимые для хозяйства угодья, то поднялась бы доходность этих земель и благосостояние их владельцев.

Если «строй народной жизни», который был создан общиной, и те условия, в которые народ ею поставлен и испытывает их на себе в течение 32-х лет, стараясь всей

своей жизнью доказать, что это была ошибка, то стоит ли настаивать на этом — задается вопросом Воронцов-Дашков.

Напрасно, считает он, на переделы смотрят как на необходимое последствие естественного прироста населения. Так же, как первоначальный раздел земли на членов общества, с которого современная община в качестве собственника начала свою деятельность, заменившийся впоследствии переделами, так и неудержимое стремление к переселению — есть не что иное, как «протест против общинны, против тех условий жизни, где каждое отдельное лицо искусственно связано с другим и без воли других ничего не может; где всякая частная инициатива убита непониманием ее массой, массой необразованною, неразвитою, завидующею всякому успеху <...>. Никогда масса не ведет инициаторов, а всегда они ее ведут».

Своей «Запиской» Воронцов-Дашков старается привлечь внимание к этическо-психологической стороне общинной проблемы: гибели патриархальной семьи. Появление в общине, с ее сложившимися устоями, молодого собственника нарушало традиционную схему взаимоотношений в семье: немощная старость, зиждившаяся прежде на авторитете отца, стала злом. Все большей силой, подрывавшей устои патриархальной семьи, становится рубль.

Одна из дурных сторон общины, по мнению Воронцова, заключалась в том, что она сформировала у общинника самосознание, при котором он уверовал в ненаказуемость «мира» как массы, что «мир силен», что «супротив мира ничего не поделашь». В этой связи он приводит распространенное среди крестьян сравнение их со спнопом, из которого можно выдернуть соломинку, но нельзя его сломать.

Процесс пролетаризации крестьянства, — считал автор «Записки», — делал общину потенциально опасной. В ней нашли почву «социалистические инстинкты», и если России суждено будет пережить «потрясения, вызванные стихийным движением народных масс, то почин в этом деле <...> будет принадлежать массе аграрной <...>. Как община развила в себе пролетариат, так она немедленно разовьет и это зло». Это суждение Воронцова, пожалуй, как никакое другое подчеркивает существующую полярность во взглядах на общину. Один из самых крайних ее апологетов, Н. А. Милютин, еще в 60-х гг. высказался следующим образом: «Если мы разрушим общину, Россия не продержится и 24 часов. Крестьянский мир — единственный консервативный элемент у нас: все остальные классы исполнены революционных начал, и если дать им власть в руки, черт знает, что из этого выйдет»⁵⁵.

Воронцов-Дашков неоднократно обращает внимание на регressive роль общины, когда в результате постоянных переделов была подорвана культура земледелия, а культурные угодья были превращены в неудобные. Община «породила кулаков земельных, она породила земельный пролетариат <...>. Она развила преувеличенное стремление крестьян к переселению, ставя их в такие условия, на которых нельзя не желать уйти; она содействовала уничтожению семьи и тем сделала семейные разделы необходимостью, борясь с которой бессильны всякие законы».

Анализируя проект Дурново, Воронцов-Дашков прежде всего оспорил положение о преимуществах общественного землевладения, в данном случае — аналога крупной поземельной собственности, перед мелкой собственностью. В действительности, утверждал Воронцов, общественная земля представляет собой конгломерат участков частного землевладения, но не имеющих прав и преимуществ такового. Подобное положение лишь в малой степени обеспечивает стабильность земельного фонда, быт

и платежную способность населения. Как писал автор «Записки», основываясь на личном опыте знания деревни в средней и черноземной полосе, переделы вызывают дальнейшее дробление земли, создают чересполосицу, а не попавший в передел остается безземельным и прикрепленным к общине. Предлагаемый в проекте Дурново в качестве минимального 12-летний срок, в течение которого переделы будут запрещены, проблемы не решал, а привел бы к тем самым явлениям, но лишь растянутым на 12 лет.

Здесь надо обратить внимание на следующую позицию Воронцова-Дашкова в решении российских аграрных проблем. Это — его взгляд на аграрное перенаселение внутренних губерний. В этой связи он вновь возвращается к мысли о необходимости переселения крестьян на окраины империи. Однако, как мы сможем убедиться далее, он будет вынужден пересмотреть предлагаемый им путь выхода из аграрного перенаселения, поставив во главу угла приоритет решения аграрных проблем уже одного из так называемых окраинных регионов империи.

Чрезвычайно важным является предлагаемый Воронцовым хуторской принцип размещения переселенцев на новых местах, предполагавший введение там подворного землевладения, что означало фермерский путь аграрного развития.

Однако Воронцов-Дашков, прекрасно понимая, какое « зло причиняют переделы », тем не менее, вынужден пойти на компромисс и согласиться на ограничение их 12-летним сроком, в надежде на то, что эта мера повлечет за собой дальнейшие действия по постепенному уничтожению общинного землевладения и круговой поруки⁵⁶.

Министр внутренних дел И. Н. Дурново не согласился ни с одним из доводов Воронцова-Дашкова. Против выступил и министр финансов С. Ю. Витте.

В конце концов верх взяла позиция консервативного большинства и утвержденный Александром III закон 1893 г. оставил все на своих местах, усилив регулирующую роль государства в общине, лишив тем самым Россию шанса встать на путь буржуазной эволюции деревни.

* * *

80-е годы были отмечены ужесточением национально-религиозной политики, ущемлением прав «инородцев» — на образование, обучение на родном языке, при поступлении на государственную службу, насильственно проводимой русификацией и христианизацией.

В эпоху контрреформ национальные и религиозные принципы были отождествлены и приобрели исключительно политический смысл⁵⁷. Этноним «русский» трансформируется в политоним. В совокупности с тезисом о божественном происхождении русского самодержавия возникла государственно-политическая концепция о примате православия русской национальности как государственной. И это в государстве, отличавшемся полиэтническим составом населения и конфессиональным разнообразием. «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики, — писал Витте, — это то, что мы до сих пор еще не сознали, что со временем Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35 % населения — инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белороссов, то невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю — их религию, их язык и проч.»⁵⁸.

Однако, следует отметить наличие среди консерваторов различий в подходе к национально-религиозной политике правительства. А. А. Половцов, П. А. Валуев, И. И. Воронцов-Дашков и некоторые другие, критикуя правительство за методы и средства в решении национальных проблем, в целом не выступали против курса на русификацию⁵⁹. Быть может, они понимали тщетность своих усилий в противостоянии националистически-клерикальным воззрениям, характеризующим царствование Александра III. Воззрениям, которые ставили «идеалом русской политической жизни мнимую самобытность, выражющуюся поклонением самовару, квасу, лаптям и презрением ко всему, что выработала жизнь других народов» — это запись из дневника Половцова. И далее он продолжает: «Идя по этому пути, разыгрывается травля против всего, что не имеет великорусского образа; немцы, поляки, финны, евреи, мусульмане объявляются врагами России, без всяких шансов на примирение и на совместный труд. Лютая, кроющаяся в сердце всякого животного вражда обрекает на смерть все иноверное и иноплеменное». Наконец, признается Половцов, «Облеченные властью представители подобных животных, чуждых культурным влечениям, невежественные в оценке государственных политических идеалов <...> видят во мне представителя совсем иных взглядов и каждый день более и более на меня наступают. Я не боюсь борьбы, но не безрассуден в такой степени, чтобы кулаками драться против железа. Благоразумие требует удалиться»⁶⁰. Не это ли осознание тщетности своих усилий заставило Воронцова-Дашкова пойти на компромисс при принятии законопроекта о введении 12-летнего срока при общинах земельных переделах?

Вдаваясь в характер отношения Воронцова-Дашкова к проводимой правительству национально-религиозной политике, необходимо вернуться к началу 70-х годов. В 1871 г. некий барнаульский купец Мальков обратился к Воронцову с просьбой оказать протекцию в получении аудиенции у цесаревича. Просьба же заключалась в следующем — подать записку об устройстве общества покровительства инородцев. Рекомендую Малькова цесаревичу, Воронцов пишет: «Мысль его хороша, в этом, по-моему, нет сомнения, только посредством школ можем мы действительно обратить наших инородцев, с условием только, чтобы эти школы не занимались бы пропагандой православия»⁶¹. По этому частному эпизоду мы можем составить определенное впечатление о понимании Воронцовым национальной политики, национальных проблем. Думается, что на формирование взглядов Воронцова-Дашкова оказал влияние опыт жизни на Кавказе и в Туркестане, где он столкнулся с иным, столь отличным от русского, мировосприятием и миропониманием.

В годы контрреформ основное острое критики Воронцовым-Дашковым национальной политики было направлено против министра внутренних дел Н. П. Игнатьева, прославившегося своим неуемным враньем и безответственными заявлениями и поступками. «Нельзя не удивляться той беспечности, — писал Воронцов государю, — с которой граф Игнатьев растрачивает все, тому легкомыслию, с которым играл он человеческими страстями, попирая ежедневно права личные и собственности. Править против немцев и поддерживать крамолу в Остзейском крае, громить евреев, преследовать поляков — вот основы его внутренней политики относительно инородцев»⁶².

При Александре III были усилены как административная интеграция прибалтийских губерний, так и их русификация. Если в первом случае политика распростране-

ния на прибалтийские земли общероссийской административно-территориальной системы управления отвечала задачам «складывания» империи с неизбежной для этого унифицированной системой управления и обязательным введением русского языка в качестве делопроизводственного, то во втором случае власти еще более усугубляли национальные, социально-политические коллизии в регионе, обусловленные рядом факторов.

Рост национального самосознания народов Прибалтики, наблюдавшийся с середины XIX столетия, обрел антинемецкую направленность и сомкнулся с германофобией в российской правительственной политике. Вытеснение немецкого языка из всех сфер его бытования, особенно образования, ограничение привилегий немецко-прибалтийской элиты импонировали латышам и эстонцам. Поскольку же их национальная идентичность была уже достаточно четко выраженной, то ей не грозила никакая русификация⁶³. Однако совершенно иначе воспринималась политика насилиственной русификации, когда в качестве одного из ее основных проявлений являлись гонения на католиков и лютеран, насаждение православия, дискриминация национальных культур и национальные ограничения. Правительство, унифицируя все стороны общественно-политической жизни поляков, целенаправленно стремилось преобразовать Царство Польское в Привислинский край — одну из административно-территориальных единиц империи.

В середине апреля 1881 г. в г. Елизаветграде вспыхнул еврейский погром, положивший начало массовым еврейским погромам. Для правительства погромы 1881 г. стали причиной ужесточения политики по отношению к евреям. Реанимировались старые предрассудки о евреях как эксплуататорах славян. Имело значение и довлеющее в русском самосознании евангельское предначертание о евреях как о проклятом народе, распявшем Спасителя, что и предопределило их печальную участь.

Последовавшие в 1882 г. «Временные правила о евреях» вводили для них ряд ограничительных мер: запрет селиться вне городов и mestечек, совершать покупку и аренду недвижимого имущества вне городов и mestечек, производить торговлю в воскресные дни и во время больших христианских праздников. «Временные правила» определили вектор направления дальнейшей правительственной политики по отношению к евреям, что было подтверждено рядом последующих законодательных актов дискриминационного характера.

Правительство Александра III возвращается к закону 1870 г. о городовом положении с целью пересмотра его более либеральных статей, особенно тех, которые впервые предоставляли евреям возможность участия в органах городского управления, и хотя отведенная им квота, меньшая, чем для христианского населения, по существу, узаконивала национальное неравенство, именно вопрос о допущении евреев в органы городского управления вызвал наибольшие разногласия. Новый проект 1892 г. допускал участие евреев лишь в западных губерниях, губернаторы коих должны были назначать гласных из числа наиболее благонадежных. Государственному секретарию Половцову удалось настоять на поправках, допускавших евреев к участию в городском управлении не только в западных губерниях, но и во всех местностях, где им было дозволено селиться, а также сохранить выборные начала при их назначении в органы городского управления (нам еще предстоит вернуться к рассматриваемым городовым положениям).

* * *

Помимо министерского поста, Воронцов-Дашков занимал должность главно-управляющего государственным коннозаводством (1881 г.)⁶⁴. Это назначение особенно соответствовало склонностям гр. Воронцова-Дашкова, владельца одного из известных конных заводов в России — Ново-Томниковского. Он был вице-президентом Императорского скакового общества и президентом Императорского Санкт-Петербургского рысистого общества. Коннозаводством он руководит с особенной энергией: улучшаются действующие заводы и открываются новые заводские конюшни, идет племенное улучшение рысистых и скаковых пород, по его инициативе и на его личные средства учреждается школа наездников при Хреновском конном заводе и т. п.⁶⁵

Как уже упоминалось, одновременно с должностью министра императорского двора и уделов Воронцов-Дашков получил пост канцлера Капитула российских императорских и царских орденов⁶⁶.

С 1881 г. гр. Воронцов — член Государственного Совета⁶⁷.

Воронцов-Дашков и его жена Елизавета Андреевна, урожденная Шувалова, относились к числу крупнейших помещиков России. Иллариону Ивановичу принадлежало 13 имений общей площадью 168,8 тыс. дес. Что касается размеров земельных владений его жены, то их общая площадь земельной собственности достигала 240,8 тыс. дес.⁶⁸, по другим данным — 274 280 дес.⁶⁹ Однако состояние Елизаветы Андреевны было приумножено: она, наравне со своей сестрой Екатериной Андреевной Балашовой, стала наследницей как майоратных владений св. кн. М. С. Воронцова (по материнской линии), так и имущества братьев Шуваловых (по отцовской линии). В 1903 г. умирает последний из них — М. А. Шувалов, и с 1904 г. сестры утверждаются в правах наследования⁷⁰. Следовательно, унаследованная Воронцовой-Дашковой половинная доля составляла 210,7 тыс. дес. Таким образом, общая площадь землевладения Воронцовых-Дашковых достигала либо, в первом случае, 484,9 тыс. дес., либо, во втором — 451,5 тыс. дес. Они возглавляли список самых крупных землевладельцев России⁷¹. Елизавета Андреевна владела также Юго-Камским железоделательным заводом, доходным домом в Петербурге и знаменитым дворцом в Алупке.

Экономика в имениях Воронцовых была многоотраслевой. Высокая доходность имений достигалась рядом факторов: наличием земель высокого качества и лесных массивов, внедрением достижений передовой агрокультуры. Инфраструктура сельскохозяйственной и промышленной экономики отвечала требованиям современного крупного хозяйства буржуазного типа.

Эта черта Воронцова как помещика-предпринимателя импонировала Витте, и не случайно при создании Особого совещания по дворянству Воронцов был введен в ее состав.

Воронцов-Дашков был последним, кому удалось получить 10 дес. нефтеносных земельных участков на Апшеронском полуострове, оставшихся после нефтяного бума и объявленных «заповедными». При содействии товарищества «Бр. Нобель» Воронцов организует здесь свой промысел⁷².

Успешно развивавшееся в крымских имениях виноделие имело выход на российский рынок — в столице пользовался популярностью склад, в котором торговали винами из собственных садов Воронцовых. Вина были отмечены медалями на международных выставках в Санкт-Петербурге, Париже⁷³.

Положение Воронцова-Дашкова при дворе Александра III — едва ли не одно из самых привилегированных. Он — в числе наиболее доверенных лиц и приближенных к трону. Дом Воронцовых-Дашковых на Английской набережной — один из самых открытых. Как и прежде, здесь собирается «весь Петербург». Его посещает императорская чета, члены императорского дома.

* * *

Осенью 1894 г. не стало Александра III. Для Воронцова-Дашкова это стало потерей не только монарха, но и друга. В их дружеском союзе Воронцов был старшим по возрасту. Несмотря на разность занимаемых положений, можно сказать, что они прожили рядом большую часть жизни. Они дружили семьями, их дети были приятелями. Между ними случались размолвки, но оставалось непоколебимое доверие императорской четы к Воронцову, его преданности.

Свидетели отмечали растерянность министра императорского двора в дни кончины императора в Ливадии. Но ему еще предстояло выполнить весьма печальную и тягостную для него обязанность — подписать протокол о вскрытии. Там же, в Ливадии, начальником главного управления уделов кн. Л. Д. Вяземским был подготовлен «Манифест»⁷⁴. Воронцов-Дашков отредактировал его. В «Манифесте» Александр III был назван «миротворцем», и это определение закрепилось за ним в российской истории.

Теперь уже без императора предстояло решить весьма щекотливый вопрос о бракосочетании цесаревича Николая Александровича, на котором настаивал нетерпеливый жених. Траур не давал возможности совершить обряд венчания по всем правилам. Министр императорского двора полагал, что свадьбу следует отложить до окончания траура. Николай II был недоволен и, вероятнее всего, эта причина привела к возникшему осложнению в их взаимоотношениях. Министру были не по сердцу не только охлаждение к нему со стороны не готового к управлению государством молодого императора, но и невозможность решать деловые вопросы. И в самом начале нового царствования он обратился с просьбой об отставке, но Николай II просил его повременить, во всяком случае, до коронования⁷⁵.

Однако Воронцов не оставлял попыток покинуть пост министра, и в 1896 г. он опять просит об отставке. Но Николай II вновь не принимает ее. Как оказалось, причина отказа крылась в ситуации, сложившейся на Кавказе. Дело в том, что в это время, по-видимому, обсуждалась возможность назначения Воронцова на должность канцлера. Информация распространялась из дипломатических кругов. В качестве источника назывался французский посол в России Монтебелло. Эта версия всплыла и в беседе военного министра П. С. Ванновского с В. Н. Ламздорфом, на ту пору директором канцелярии Министерства иностранных дел. Ванновский рассказал об ужасных беспорядках в администрации на Кавказе, где «безопасности меньше, чем до его покорения». Он предлагал назначить туда в качестве генерал-губернатора начальника Закаспийской области генерала А. Н. Куропаткина. «Но государь, — рассказывал Ванновский, — видимо, настойчиво придерживался кандидатуры графа Воронцова-Дашкова. В связи с этим он не слишком склонен назначить последнего канцлером»⁷⁷.

Но обстоятельства приняли неожиданный оборот — произошла Ходынская катастрофа, за которой последовали поиски виновных. Одни считали, что за случившееся

несет ответственность ведавший церемониальной частью коронования министр двора. Эта идея особенно муссировалась в кругах великого князя Сергея Александровича. Другие, напротив, возлагали вину на самого великого князя, занимавшего пост московского генерал-губернатора и по своему положению причастного к организационной стороне коронования с точки зрения обеспечения безопасности церемонии. Как ни парадоксально, к числу последних относилось и большинство членов царской семьи. В частности, сторону Воронцова-Дашкова держали вдовствующая императрица и великая княгиня Ксения Александровна. «Публика вот что говорит, — писала она своему шурину великому князю Николаю Михайловичу, — что надо было бы сделать строгий выговор Попо» (после чего обыкновенно уходят, но говорят, что *он останется!*) *coup de pica*^{**} Власовскому^{***}, и выговор Воронцову <...>. Не проходит дня, чтобы мы не говорили обо всем этом и не ругались ужасно! Твой Папа^{****} уже не защищает *П.*, больше, он сам того же мнения, что и все, да и не стоит!»⁷⁸ Мнение адресата и автора письма совпадают. «Я нахожу, что знаменитый Попо не может вернуться в Москву после увольнения Власовского и после своего бегства за границу до приезда Ники в Нижний Новгород». И далее: «Неужели его оставят в Москве на всеобщий позор нашей семьи?» (Из письма великого князя Николая Михайловича брату великому князю Георгию Михайловичу)⁷⁹.

Расследование показало невиновность Воронцова-Дашкова: верховный коронационный маршал, бывший министр юстиции К. И. Пален не покривил душой и удостоверил преступную небрежность московской полиции. Воронцов же, не считая себя виновным, тем не менее, принял вину на себя, пытаясь таким образом выгородить чиновников своего ведомства. «В конце концов, — вспоминал Витте, — во всей этой истории, при которой погибло и пострадало около двух тысяч русских людей, оказался виновен один только человек Власовский, который и был уволен со службы. Таким образом, все это было заглушено, но, конечно, оно надолго останется в летописи русской истории»⁸⁰.

Конфликт завершился в 1897 г. увольнением Воронцова-Дашкова с поста министра двора и уделов. Воронцов был уязвлен той формой, в которой это было проделано. Николай II вызвал его и объявил об освобождении от поста министра, якобы в связи с неоднократной просьбой самого Воронцова. Между тем, до Ходынки царь отвергал их. Все это поведал Витте сам Воронцов, немедленно после царской аудиенции поехавший к нему на Елагин остров. Витте впоследствии вспоминал, что Воронцов «был весьма расстроен»⁸¹. Увольнение Воронцова-Дашкова от должностей министра императорского двора и уделов, канцлера российских орденов и главноуправляющего государственного коннозаводства произошло 6 мая 1897 г. Чины министерства преподнесли графу Иллариону Ивановичу памятную бронзовую гравированную медаль, выполненную известным медальером А. Васютинским.

Вначале стоявший близко к Александру III Воронцов пользовался у молодого императора особым авторитетом. Но со временем независимая позиция Воронцова, особенно проявлявшаяся по отношению к великим князьям, не могла не вызывать

* Прозвище великого князя Сергея Александровича.

** *coup de pica* (франц.) — удар пикой.

*** Власовский П. П. — полковник, исполнявший обязанности обер-полицмейстера во время коронации Николая II.

**** Великий князь Михаил Николаевич.

раздражения у членов царской семьи. Кроме того, молодого императора и его августейшую супругу шокировал менторский тон Воронцова. Сказывалось давление со стороны великого князя Сергея Александровича. «Сергей Александрович, — записала в своем дневнике дочь Воронцова, Софья Илларионовна Демидова, — все продолжал винить отца и интриговал против него, сколько мог»⁸².

Воронцов-Дашков остается членом Государственного Совета и Особого совещания по делам дворянского сословия. Позже (1902) он становится членом Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Воронцов участвует в различных общественных организациях: председательствует в Попечительстве императрицы Марии Александровны о слепых («за выдающиеся заслуги» Воронцову предоставлено пожизненное право ношения золотого знака Попечительства); в обществе при церкви Божьей Матери всех скорбящих радости и др.⁸³

К ним в 1904 г. прибавляется должность председателя Главного управления Российского Общества Красного Креста, и с его именем тесно связана огромная помощь, которая была оказана раненым в период русско-японской войны. Это — открытие новых местных комитетов Красного Креста и врачебно-питательных пунктов на всем пути следования войск, создание лазаретов и госпиталей, организация собственных поездов для эвакуации раненых и т. п.⁸⁴

Занимаясь благотворительностью на протяжении всей своей жизни, Воронцов не только следовал семейным традициям, но это отвечало и его собственным представлениям. Различные пенсии, пособия и стипендии составляли значительную статью расходов семьи Воронцовых-Дашковых. К примеру, в 1906 г. она достигала более 11 тыс. — примерно 4 % всех расходов на тот год. Но в эту сумму не входили различного рода пожертвования, и среди них — обществу по оздоровлению южного берега Крыма и т. п. При разделе родовых имений между сестрами Елизаветой Андреевной и Екатериной Андреевной была оговорена сумма на благотворительность в 9 300 руб.⁸⁵ Когда Воронцову пришлось оставить пост министра, то старшие чины ведомства собрали около 25 тыс. руб. в его распоряжение. Воронцов употребил проценты с этого капитала на выдачу подобий для обучения детей служащих Министерства двора, преимущественно в профессиональных и технических учебных заведениях. Кроме того, он ежегодно из своих средств пополнял взносами этот капитал⁸⁶.

Однако ни количество занимаемых им общественных постов, включая Красный Крест, ни характер самой деятельности не могли отвечать масштабам такой фигуры, как Воронцов-Дашков. Он все более приобретает репутацию государственного деятеля, уже сошедшего с политической арены. Во всяком случае, в официальных изданиях той поры о нем пишут как о деятели маститом, но находящемся в преклонном возрасте и как бы на покое. Хотя после убийства В. К. Плеве его имя фигурировало в качестве одного из возможных кандидатов на должность министра внутренних дел⁸⁷.

Завершилась эпоха Александра III, а с ним, казалось, ушло и время Воронцова-Дашкова — государственного деятеля. Но судьба распорядилась иначе. В 1905 г. И. И. Воронцов-Дашков назначается наместником е. и. в. на Кавказе. Чем же было обусловлено новое назначение? Для этого нам необходимо обратиться к региону, казалось бы, уже столь далекому для ушедшего на покой 68-летнего сановника.

1. [Руммель В.] Воронцов-Дашков И. И. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Т. 7. С. 220.
2. Более подробно о Р. А. Фадееве см.: *Ананьев Б. В., Ганелин Р. Ш. Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг.* // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. (Труды ЛОИИ СССР. Вып. 12).
3. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 94 об–95.
4. Витте С. Ю. Воспоминания. С. 128.
5. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 96 об.
6. Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы 70–80-х годов XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьба и гибель. М., 1912. С. 297; Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С. 304–311.
7. Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы... С. 298.
8. В частности, ей посвящена специальная работа Л. Т. Сенчаковой, в которой обстоятельно рассмотрены возникновение «Священной дружины», ее структура и состав, дана оценка ее деятельности: Сенчакова Л. Т. «Священная дружины» и ее состав // Вестник Московского университета. История. Серия IX. 1967. № 2. С. 62–83; См. также: Смелый В. Н. Священная дружины (из дневника ее члена) // Голос минувшего. 1916. № 1–4; Садиков П. А. Общество «Священной дружины» («Отчетная записка» за 1881–1882 гг.) // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 200–217.
9. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 128–129.
10. Давыдов Ю. Никто и никогда не узнает наших имен // Прометей. М., 1977. Т. 11. С. 340.
11. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 128–129.
12. Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы... С. 304.
13. Ананьев Б. В., Ганелин Р. Ш. М. П. Драгоманов и П. Н. Милюков о самоуправлении и федерализме // Русская эмиграция до 1917 — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 70–72.
14. Там же.
15. Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы... С. 299, 369.
16. Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. 1. С. 411–412, 540.
17. Фигнер В. Н. Из политической жизни 80-х годов // Фигнер В. Н. Полн. собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1932. С. 316, 333–342.
18. Валуев П. А. Дневник. 1877–1884. С. 166.
19. Фигнер В. Н. Из политической жизни 80-х годов. С. 350.
20. Половцов А. А. Дневник... Т. 2. С. 356–366.
21. Григорьев С. И. Канцелярия Министерства императорского двора как государственный институт // Серия «Источник. Историк. История». Вып. 3. История повседневности. СПб., 2003. С. 163–164; Общий очерк к обзору деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего императора Александра III (1881–1894) / Сост. А. Н. Коковихин. СПб., 1901. С. 258–262.
22. Григорьев С. И. Канцелярия Министерства императорского двора... С. 168.
23. История уделов за столетие их существования. 1797–1897. СПб., 1902. Т. 1. С. 192–193, 148, 149, 150–153.
24. Там же. С. 148–153.
25. Там же.
26. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 228. Л. 3–4.
27. Половцов А. А. Дневник... Т. 1. С. 272, 275–277.
28. Там же. С. 394–397.
29. Там же. Т. 2. С. 79.
30. Более подробно см.: Исмаил-Заде Д. И. На меня смотрят как на преступника // Источник. 1992. № 2(38). С. 3–27.
31. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 143, 144 об.
32. Там же. Л. 109 об.
33. Твардовская В. А. Царствование Александра III // Русский консерватизм XIX столетия. С. 313.
34. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 104 об.

35. Ананьев Б. В., Ганелин Р. Ш. Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг.
36. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 169–170.
37. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 46–49.
38. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 314; Дубенцов Б. Б. Вопрос об отмене гражданских чинов в правительской политике 80-х гг. XIX в. // Социально-политическая история СССР. М.; Л., 1974. Ч. 1. С. 104–131; Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII — начала XX вв. СПб., 1999. С. 179–187; Дневник А. А. Половцова // Красный архив. Т. IV. С. 94.
39. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 109 об.
40. Там же. Л. 113–114 об., 115.
41. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 239. Л. 1–5.
42. Замечания по проекту положения о земских начальниках... [Б. м.]. 188?; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 389.
43. Там же. С. 389–390; Половцов А. А. Дневник... Т. 2. С. 119–120, 481.
44. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 73–80 с об.
45. Там же. Л. 104–109 с об.
46. Там же. Л. 108.
47. Там же. Л. 111 об.–112.
48. Половцов А. А. Дневник... Т. 2. С. 402, 435.
49. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1182. Л. 2 с об.
50. Твардовская В. А. Царствование Александра III // Русский консерватизм XIX столетия. М., 2000. С. 348–349.
51. Лукоянов И. В. Конец царствования Александра III: была ли альтернатива «контрреволюции»? // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. СПб., 1999. С. 251–253; РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 235, 4210.
52. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 119.
53. Там же. Л. 137 об.–138.
54. Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 588 (Письма гр. Воронцова-Дашкова И. И. Плеве В. К. Л. 25–25 об., 29–30, 35–35 об., 51–52).
55. Цитируется по: Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. С. 312.
56. Записка министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении крестьянской общины и возражения на нее министра внутренних дел И. Н. Дурново. Женева, 1894. С. 3, 5, 8–9, 11–14, 16–17, 21.
57. Твардовская В. А. Царствование Александра III. С. 336.
58. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 273–274.
59. Твардовская В. А. Царствование Александра III. С. 338.
60. Половцов А. А. Дневник. Т. 2. С. 447.
61. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 4 об.
62. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 109.
63. Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М., 1996. С. 214.
64. Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. СПб., 1883. С. 7.
65. [Руммель В.] Воронцов-Дашков И. И. Т. 2. С. 319.
66. Список высшим чинам... С. 7.
67. Государственный совет 1801–1901. СПб., 1901. С. 29.
68. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX вв.). М., 1969. С. 30, 382–383.
69. Минарик Л. П. «Статистика землевладения 1905 года» как источник по изучению крупного помещичьего землевладения в начале XX века // Малоисследованные источники по истории СССР XIX–XX века. М., 1964. С. 65.
70. РГИА. Ф. 919. Оп. 1. Д. 3. Л. 15; Д. 53. Л. 1–5 об., 7–7 об.
71. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России... С. 30.

72. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914. Документы и материалы. М.; Л., 1961. С. 317, 672; РГИА. Ф. 919. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.
73. РГИА. Ф. 919. Оп. 1. Д. 1025. Л. 8, 13–14.
74. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 202.
75. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 255.
76. *Ламздорф В. Н.* Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 94.
77. Там же. С. 402, 405.
78. ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 171. Л. 36–37.
79. Там же. Д. 129. Л. 36 об., 38.
80. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 73.
81. Там же. С. 71, 113–114.
82. Из воспоминаний С. И. Демидовой // Голос минувшего. 1923. № 1. С. 163.
83. Современная Россия в портретах и биографиях. С. 35; РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 8. Л. 62а.
84. См. доклады Воронцова-Дашкова императрице Марии Федоровне, патронировавшей Красный Крест: ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 374. Л. 19, 27 с об., 28, 29, 40; Д. 375. Л. 3, 4, 6, 9, 18, 19, 40.
85. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2468. Л. 31.
86. Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; Д. 85. Л. 1–2; Д. 93. Л. 44–45.
87. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907. Л., 1981. С. 113.